

Европейская солидарность и разноскоростная интеграция: результаты лабораторного эксперимента

Д. А. Зотова, Д. А. Ланко, Н. Л. Парфенёнок

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Зотова, Д. А., Ланко, Д. А. и Парфенёнок, Н. Л. (2024) 'Европейская солидарность и разноскоростная интеграция: результаты лабораторного эксперимента', *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*, 40 (2), с. 212–232.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204>

Конфликт, связанный с импортом украинского зерна и муки и повлекший за собой ситуацию, когда интересы Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Словакии вступили в противоречие с интересами большинства стран — участниц Европейского союза, происходил на фоне массовых акций протеста фермеров во многих европейских странах, что заставило заново обратиться к вопросу о европейской солидарности. Политическое решение, принятое на уровне Евросоюза в результате голосования всех его стран-участниц, подразумевает наличие солидарности между ними. Вместе с тем авторы данной статьи предлагают различать два типа солидарности: солидарность большинства с меньшинством и солидарность меньшинства с большинством. С помощью инструментария теории игр построена поведенческая матрица, отделяющая эти два типа солидарности. Достичь солидарности в результате голосования позволяют переговоры между странами-участницами и иногда институтами ЕС, которые могут проводиться как в двустороннем, так и в многостороннем форматах. Результаты поставленного с помощью инструментария теории игр лабораторного эксперимента доказывают, что возникновению солидарности с большинством лучше способствуют двусторонние переговоры, в то время как возникновению солидарности с меньшинством — многосторонние. Этот вывод позволяет, опираясь на опыт Европейского союза, сформулировать рекомендации для всех региональных интеграционных объединений, в первую очередь для Евразийского экономического союза, относительно выбора формата переговоров в зависимости от ожидаемого результата последующего голосования. Материалы исследования помогут объяснить, почему участвовавшие случаи, когда большинство стран — участниц ЕС требует от меньшинства солидарности по тем или иным вопросам, не приводят к консолидации этого меньшинства, которая могла бы угрожать будущему всего европейского интеграционного проекта.

Ключевые слова: Европейский союз, солидарность, минимальная гармонизация, максимальная гармонизация, двусторонние переговоры, минилатеральные переговоры, многосторонние переговоры, теория игр.

Введение

Европейский союз в настоящий момент испытывает кризис солидарности. Вместе с тем этот кризис не приводит к консолидации меньшинства стран — участниц ЕС, несмотря на то что убеждать их согласиться с тем или иным вариантом решения стоящих на повестке дня проблем становится все труднее. В данной статье предлагается ответ на вопрос: почему, невзирая на кризис солидарности — важнейшей для понимания сути европейского интеграционного проекта категории, консолидации несогласного меньшинства не происходит? Этой категорией обозначается одна из четырех (вместе с человеческим достоинством, свободой и равенством) ценностей, на которых основывается Европейский союз, зафиксированных в преамбуле Хартии Европейского союза об основных правах 2000 г.¹ Хотя данную категорию (в качестве принципа, но не ценности) можно обнаружить еще в римском праве, в праве Евросоюза она обрела свое место лишь в 2009 г., с момента вступления в силу Лиссабонского договора, в который включена отсылка к Хартии об основных правах и в котором солидарность упоминается более десяти раз, по большей части применительно к общей внешней политике и политике безопасности ЕС².

Поскольку солидарность нашла свое место в праве Европейского союза лишь на рубеже XXI в., в научной литературе по проблематике европейской интеграции сложно найти работы, в которых рассматривалось бы это понятие и которые были бы опубликованы в более ранние периоды. Немногим более десяти лет назад А. Санджованни с сожалением констатировала, что о европейской солидарности не написано практически ничего (Sangiovanni, 2013). Вышедшие с тех пор труды, включая две коллективные монографии (Grimmel and Giang, 2017; Federico and Lahusen, 2018), не столько предлагают объяснение того, как обозначаемая этой категорией ценность нашла свое место среди базовых ценностей, лежащих в основе европейского интеграционного проекта, сколько бьют тревогу по поводу того, что солидарности в ЕС стало меньше. И дискуссия о стрессоустойчивости европейской интеграции, включающая внешние связи ЕС (Romanova, 2017; Korosteleva and Flockhart, 2020), является также дискуссией о сохранении солидарности между странами-участницами перед лицом внешних вызовов, являющейся необходимым условием стрессоустойчивости институтов Евросоюза.

Более оптимистично настроенные относительно будущего европейского интеграционного проекта исследователи, однако, предлагают до того, как пытаться ответить на вопрос, в большей ли мере сегодняшние страны — участницы Европейского союза демонстрируют приверженность солидарности в процессе принятия значимых для всего проекта решений на национальном уровне, чем в предшествующие периоды, или в меньшей, провести классификацию решений, принятых под влиянием этой ценности. Ведь возможно, снижение склонности к проявлению солидарности в одних случаях компенсируется ростом в других случаях. И на смену призывам к укреплению солидарности ради стрессоустойчивости нынешних

¹ EU. (2000) 'Charter of Fundamental Rights of the European Union', *Official Journal of the European Communities*, 2000, December 18, pp. 364/08.

² EU. (2012) 'Consolidated Version of the Treaty on the European Union', *Official Journal of the European Union*, 2012, October 26, pp. 326/13–45.

институтов ЕС, которые мы подчас слышим от европейских ученых (напр., Votoupalová, 2019) и политиков³, должны прийти призывы к изменению институтов таким образом, чтобы ситуаций, в которых страны-участницы чаще склонны демонстрировать приверженность этой ценности, возникало больше, а тех, в которых они реже склонны проявлять солидарность, — меньше.

Ф. Геншель и А. Гемерик — авторы, пожалуй, наиболее детальной классификации проявлений солидарности — предлагают различать ее проявления по секторам, механизмам взаимодействия и участникам этого взаимодействия (Genschel and Hemerijck, 2018). Так, европейские избиратели, а вслед за ними правительства стран-участниц более склонны к демонстрации солидарности, когда речь идет о предоставлении финансовой помощи тем из них, кто по каким-то причинам оказался не в состоянии самостоятельно поддерживать собственную макроэкономическую стабильность, и менее — когда речь идет, например, о миграционной политике. Страны-участницы в большей степени демонстрируют солидарность, когда речь идет о создании фонда помощи в условиях макроэкономического кризиса, и в меньшей — когда речь идет о создании общего фонда инвестиций в находящиеся в предкризисном состоянии экономики.

Наконец, склонность одних стран-участниц демонстрировать солидарность в вопросах предоставления финансовой помощи выше, чем других. Как правило, эта склонность тем выше, чем больше налогоплательщиков воспринимает свою страну в качестве потенциального получателя этой помощи. Вместе с тем правительство Германии более склонно к демонстрации солидарности, чем правительство Финляндии, например, хотя большинство налогоплательщиков в обеих странах в равной степени рассматривают себя скорее в качестве тех, за чей счет будет оказываться финансовая помощь. Более того, налогоплательщики Финляндии в большей степени одобряют проявления солидарности в вопросах финансовой помощи, если речь идет о соседних Эстонии или Латвии, и в меньшей — если о Греции или Испании.

Авторы данной статьи концентрируют внимание на двух вопросах, поставленных Ф. Геншелем и А. Гемериком. Во-первых, как на склонность стран-участниц демонстрировать солидарность влияет то, кто и ради кого должен ее продемонстрировать? Обращаем внимание на следующее: идет ли речь о солидарности большинства с меньшинством или меньшинства с большинством. Во-вторых, как на эту склонность стран-участниц влияет то, каким именно образом происходит обсуждение варианта значимого для всего европейского интеграционного проекта решения, с которым страны-участницы должны согласиться? Обращаем внимание на следующее: предшествуют ли одобрению варианта всеми странами многосторонние переговоры между ними или же серия двусторонних переговоров между лидером переговорного процесса и отдельными странами-участницами. По мнению авторов статьи, существует зависимость между типом солидарности, демонстрируемой в ходе итогового голосования по варианту решения проблемы, и форматом переговоров, предшествующих этому голосованию.

³ Напр., Gramegna, P. (2023) *Resilience through Solidarity in Europe*. Keynote speech by ESM Managing Director Pierre Gramegna at Nomura Central Bank Seminar. Kyoto. Japan. March 28. URL: <https://www.esm.europa.eu/speeches/resilience-through-solidarity-europe-speech-pierre-gramegna> (дата обращения: 20.12.2023).

Как будет показано далее, многосторонние переговоры сопутствуют возникновению солидарности с меньшинством, двусторонние — с большинством. Целью данной статьи является представление результатов лабораторного эксперимента, доказывающего эту зависимость. Для этого потребуется, во-первых, определить понятия «солидарность с большинством и с меньшинством», а также уточнить понятия «многосторонние и двусторонние переговоры» в контексте принятия решений в Европейском союзе. Во-вторых, отталкиваясь от случая принятия решения на уровне Евросоюза по проблеме импорта украинского зерна и муки, авторы предлагают поведенческую матрицу, подходящую для описания как этого, так и других случаев и позволяющую четко разграничить понятия солидарности с большинством и с меньшинством. В-третьих, дается описание лабораторного эксперимента, с помощью которого доказывается сформулированная зависимость. Наконец, в-четвертых, результаты лабораторного эксперимента будут вписаны в контекст дискуссии по процессу принятия решений в Европейском союзе и в региональных интеграционных объединениях в целом.

1. Форматы переговоров и типы солидарности

Важнейшие политические решения на уровне Европейского союза принимаются странами-участницами единогласно либо квалифицированным большинством голосов, а потому предполагается, что принятию таких решений предшествуют многосторонние переговоры. На уровне Евросоюза важнейшей институционализированной площадкой для многосторонних переговоров является Европейский совет, на заседания которого собираются не только главы государств и правительств стран-участниц, принимающих участие в формальных заседаниях Совета, но и сотни представителей этих стран, вовлеченных как в работу делегации своей страны, так и в переговоры с представителями других стран (Johnston, 1994, pp. 54–74). Другой важной площадкой для переговоров является Совет ЕС (Heyes-Renshaw and Wallace, 2006, pp. 298–320). В более узких форматах вопросы обсуждаются на уровне субрегиональных объединений, включая Северный совет, Бенилюкс, Вишеградскую четверку и т. п. (Cooper and Fabbrini, 2022).

Для разграничения переговоров, ведущихся на уровне Евросоюза и на уровне субрегиональных объединений, представляется обоснованным использовать введенную М. Калером дифференциацию многосторонних и минилатеральных переговоров (Kahler, 1992). По мнению ученого, неправильно использовать для международных переговоров, в которых принимают участие десятки стран, и переговоров, в которых принимает участие всего три страны, один и тот же термин — «многосторонние», поскольку природа переговоров первого и второго типа существенно отличается. Хотя Бенилюкс формально является многосторонним международным институтом, так как создан более чем двумя странами, и именно он, созданный в 1940-е годы, стал моделью для последующей европейской интеграции с большим числом участников, представляется важным проводить терминологическую дифференциацию между переговорами Бельгии, Нидерландов и Люксембурга и переговорами лидеров двадцати семи стран — участниц ЕС на заседании Европейского совета. Поэтому для переговоров двадцати семи стран ЕС будет использоваться понятие «многосторонние», в то время как для переговоров в рамках Бенилюкс, Ви-

шеградской четверки и в иных многосторонних форматах, в которых принимают участие лишь несколько стран, будет использоваться понятие «минилатеральные». Минилатеральные переговоры показывают, что далеко не все переговоры, предшествующие принятию политических решений на уровне Европейского союза, ведутся в многостороннем формате.

Важную роль играют переговоры в двустороннем формате. Страна — участница ЕС, которая прибегает к двусторонним переговорам, стремясь в ходе обсуждения один на один убедить те страны, которые высказывают сомнение в действенности предлагаемого варианта решения общей проблемы, поддержать этот вариант в ходе последующего голосования в многостороннем формате, обычно называется лидером процесса принятия решений (Müller and Van Esch, 2020). Исследователи процесса принятия решений в Евросоюзе указывают на учащение в последние годы случаев, когда роль лидера берут на себя страны так называемого ядра Евросоюза, в первую очередь Германия и Франция (Genschel and Jachtenfuchs, 2017), а также наднациональные институты ЕС, в первую очередь Европейская комиссия (Kassim et al., 2013).

К деятельности лидеров в ходе этих переговоров возможно применить разработанное бывшим Государственным секретарем США Г. Киссинджером понятие челночной дипломатии, практики ведения многосторонних переговоров, предполагающей подмену обсуждения той или иной проблемы в многостороннем формате серией двусторонних переговоров между лидером переговорного процесса и каждой из заинтересованных в решении проблемы сторон. Понятие челночной дипломатии применимо и к переговорам на уровне Европейского союза, где, например, Франция стремится реализовать свои претензии на лидерство посредством двусторонних отношений с другими странами — участницами ЕС (Bratberg, 2008). Стремление отдельных стран к лидерству в переговорном процессе на уровне Евросоюза становится одним из способов ответить на вопрос: зачем в начале XXI в., когда между странами ЕС налажены многочисленные каналы взаимодействия, они продолжают не только сохранять, но и развивать такой архаичный, казалось бы, институт, как дипломатические представительства в других странах-участницах (Bátora and Hocking, 2009).

Институты Европейского союза периодически оказываются вовлечены в челночную дипломатию, чередуя переговоры с внешними по отношению к Евросоюзу акторами с переговорами со странами — участницами ЕС, стремясь добиться не только учета интересов последних со стороны внешних акторов, но и (если это невозможно) отказа некоторых из стран-участниц от своих нереалистичных требований. Такую роль на переговорах с Великобританией об условиях выхода последней из ЕС сыграла Европейская комиссия (Schuette, 2021). Роль Комитета постоянных представителей, заключающуюся в убеждении министров стран Евросоюза в необходимости одобрить то или иное решение на заседании Совета ЕС, Дж. Льюис называет «социализация» (Lewis, 2005). Примером челночной дипломатии Европейского парламента может служить миссия председателя Европарламента П. Кокса и президента Польши А. Квасьневского в 2012–2014 гг., целью которой поначалу было убедить не только Украину, но и страны ЕС подписать Соглашение об ассоциации, а после провала переговоров — убедить Евросоюз в якобы безальтернативности позиции, направленной на смену власти на Украине (Redei and Romanushyn, 2019).

Соотнесение итогового решения с переговорными позициями, о которых страны-участницы заявляли в ходе неформальных двусторонних, минилатеральных и многосторонних переговоров, предшествовавших принятию итогового решения, позволяет отделить решения, принятые из «солидарности с меньшинством», от решений, принятых из «солидарности с большинством». Эти два понятия, вводимые в данной статье для характеристики особенностей процесса принятия решений в ЕС, созвучны понятиям минимальной и максимальной гармонизации в праве Европейского союза (Weatherill, 2016, pp. 223–246). Термином «минимальная гармонизация» в законодательстве ЕС называется правовой акт, устанавливающий общие для всех стран Евросоюза требования, которым должен соответствовать, например, тот или иной товар, ввозимый в ЕС, и предполагающий, что каждая страна-участница может ввести более жесткие (но не более мягкие) требования, которым должен соответствовать этот товар, чтобы быть разрешенным к ввозу в данную страну.

Правовые акты, предполагающие минимальную гармонизацию действующих в разных странах Евросоюза правил, принимаются не только для регулирования торговли в рамках общего рынка, но и в целях появления общих стандартов в сферах охраны окружающей среды, защиты прав потребителей, социальной политики, здравоохранения и т. д. (Dougan, 2000). Процесс принятия правовых актов, предполагающих минимальную гармонизацию, соотносится с вводимым в статье понятием «солидарности с меньшинством». Обычно при принятии правовых актов за основу берутся правила, действующие в той стране Евросоюза, где приняты наиболее мягкие требования к данному товару. До сих пор в Европейском союзе доминировала тенденция к принятию правовых актов путем нахождения решения, которое продемонстрировало бы солидарность большинства стран Евросоюза с меньшинством; как следствие, большая часть законодательства ЕС вводит требования, предполагающие минимальную гармонизацию требований, действующих в странах-участницах.

Эта тенденция подвергается критике как со стороны институтов Евросоюза (Dahlberg et al., 2020), так и со стороны исследовательских центров в отдельных странах-участницах (Bolkestein and Gerken, 2015) главным образом из-за того, что минимальная гармонизация требований допускает проведение протекционистской политики, а в ряде стран-участниц служит ее оправданием.

В ЕС растет число правовых актов, предполагающих максимальную гармонизацию действующих в отдельных странах-участницах правил. Такие правовые акты устанавливают общие для всех стран Евросоюза требования и предполагают, что каждая страна-участница может ввести более мягкие (но не более жесткие) требования, которым должен соответствовать товар, чтобы быть разрешенным к ввозу в эту страну. Процесс принятия правовых актов, предполагающих максимальную гармонизацию, соответствует вводимому здесь понятию «солидарности с большинством». Максимальная гармонизация способствует единообразию и централизации, в то время как минимальная гармонизация — большому разнообразию регулирования и защите интересов стран-участниц (Weatherill, 2020).

Теоретически принятию правового акта, предполагающего максимальную гармонизацию, должно предшествовать голосование, в ходе которого как большинство стран-участниц, стремящихся запретить меньшинству вводить более жесткие

по сравнению с вводимыми данным правовым актом требования, так и меньшинство должны проголосовать либо непосредственно за принятие данного акта, либо за наделение Европейской комиссии или иного наднационального института ЕС полномочиями утверждать данный и аналогичные акты. Иными словами, правовой акт не может быть принят раньше, чем меньшинство добровольно продемонстрирует свою солидарность с большинством в ходе голосования. На практике же лидеры переговорного процесса, предшествующего голосованию, включая как отдельные страны-участницы, так и институты ЕС, в ходе как двусторонних, так и многосторонних переговоров, стремясь убедить страны-участницы, принадлежащие к меньшинству, поддержать наиболее выгодный для большинства вариант политического решения, демонстрируют «готовность использовать экономическое принуждение для поддержания внутренней солидарности» (Diesen, 2023).

2. Солидарность с большинством и с меньшинством: изучение случая и построение поведенческой матрицы

Проиллюстрировать разницу между решением, принятым из солидарности с меньшинством, и решением, принятым из солидарности с большинством, а также предложить обобщающую поведенческую матрицу, применимую к аналогичным случаям на уровне Европейского союза, позволяет рассмотрение переговоров, состоявшихся накануне заседания Совета Европейского союза по сельскому хозяйству и рыболовству, прошедшего 18 сентября 2023 г., и непосредственно на данном заседании. Европейская комиссия проинформировала участников заседания о том, что накануне истек срок действия запрета на ввоз в Евросоюз сухопутным путем зерна и муки с Украины, введенный за полгода до этого в целях защиты интересов фермеров из пяти граничащих с Украиной стран ЕС: Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Словакии. Как следует из официального сообщения Совета, «большинство стран-участниц приветствовали окончание срока действия запрета»⁴.

Однако в официальном сообщении не было сказано, что граничащие с Украиной страны, составляющие меньшинство стран ЕС, не только не приветствовали окончание срока действия запрета, но и, вопреки решению Европейской комиссии, ввели собственные запреты на ввоз зерна и муки с Украины. В попытке прояснить позицию Франции — лидера большинства стран ЕС — по сложившейся ситуации французский министр сельского хозяйства М. Фено написал в одной из социальных сетей, что «без единства нет солидарности, и без солидарности нет единства». Журналисты информационного агентства «Рейтер» поняли эту фразу как указание на то, что, по мнению Франции, односторонние действия граничащих с Украиной стран «подвергают риску европейскую солидарность»⁵. Представляется, что в данном случае М. Фено использовал слово «солидарность» как в узком, так и в широком смысле. Узкое, неформальное название «коридор солидарности» в Евросоюзе имеют сухопутные транзитные маршруты, по которым украинские зерно и мука

⁴ Council of the European Union. (2023) *Agriculture and Fisheries Council, 18 September 2023: Main Results*. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/agrifish/2023/09/18/> (дата обращения: 20.12.2023).

⁵ Payne, J. (2023) *Spain Sees Ukraine Grain Ban by Some EU States as Illegal, France Sees Solidarity Risk*. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/ban-ukraine-grain-by-some-eu-states-looks-illegal-spainish-farm-minister-2023-09-18/> (дата обращения: 20.12.2023).

через территории соседних с Украиной стран — участниц ЕС могли бы поставляться в расположенные западнее страны-участницы, включая Францию.

Это не единственный случай, когда тот или иной институт или правовой механизм, политическая программа или проект в Европейском союзе получают наименование, включающее слово «солидарность». В 2002 г. был создан Фонд солидарности Европейского союза, средства которого отдельные страны — участницы ЕС могут использовать для ликвидации масштабных чрезвычайных ситуаций, когда стоимость ущерба превышает 3 млрд евро, или 0,6 % ВВП данной страны (Blockmans, 2014). В 2022 г. Европейский совет и Европейский парламент совместным решением создали на базе действовавших в 2014–2020 гг. программ в области молодежной политики ЕС Европейский корпус солидарности — программу финансирования волонтерской деятельности молодежи в различных сферах, в том числе здравоохранении и охране окружающей среды, гуманитарной и иной помощи нуждающимся, в рамках которой в 2021–2027 гг. предполагается распределить свыше миллиарда евро⁶.

В широком смысле значение понятия «солидарность» в трудах различных авторов было рассмотрено ранее. При всех различиях, приводимых авторами, все они сходятся в том, что солидарность подразумевает жертвование своими интересами ради единства действий с другими участниками группы. Именно в таком значении использует данное понятие М. Фено в процитированном заявлении: по его мнению, из солидарности меньшинство стран Европейского союза (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния и Словакия) должны пожертвовать интересами своих фермеров ради того, чтобы выступить единым фронтом с большинством стран (лидером которого является Франция), и согласиться с максимальной гармонизацией требований к ввозимым на территорию Евросоюза зерну и муке с Украины. Иными словами, меньшинство должно не только отказаться от своего права вводить более жесткие требования к товарам вплоть до полного запрета, но и согласиться с правом Франции вводить более мягкие требования к импорту товаров иными путями, нежели через территории этих стран, например по морю.

Для возглавляемого Францией большинства стран-участниц этот вариант решения проблемы импорта зерна и муки с Украины представляется наиболее предпочтительным. Для облегчения понимания далее он будет называться «первый вариант». В свою очередь, для меньшинства стран ЕС наиболее предпочтительным станет тот вариант решения проблемы, который предполагает минимальную гармонизацию требований к ввозимым на территорию Евросоюза товарам с Украины. Иными словами, меньшинство предпочло бы сохранить за собой свободу в одностороннем порядке вводить запрет на импорт, когда он начинает угрожать интересам фермеров в этих странах, и отменять такой запрет, когда возникает необходимость продемонстрировать солидарность с Украиной, одновременно запретив Франции вводить более мягкие по сравнению с определенными Европейской комиссией требования к такому импорту. Этот вариант далее будет называться «второй вариант».

⁶ EU. (2021) *Regulation (EU) 2021/888 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the European Solidarity Corps Programme and Repealing Regulations (EU) 2018/1475 and (EU) No. 375/2014*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0888&qid=1694609738021> (дата обращения: 20.12.2023).

Таблица 1. Поведенческая матрица солидарности с большинством и с меньшинством

	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
Страна-участница 1	3	2	1
Страна-участница 2	3	2	1
Страна-участница 3	1	3	2
Эквилибриум	7	7	4

Для большинства второй вариант является менее предпочтительным, чем первый. Наименее же предпочтительным для большинства является вариант, предусматривающий полный запрет на импорт зерна и муки с Украины в Евросоюз сухопутным путем. Этот последний вариант далее будет называться «третий вариант». В свою очередь, для меньшинства третий вариант представляется менее предпочтительным, чем второй, но более предпочтительным, чем первый. В табл. 1 представлена поведенческая матрица, позволяющая с помощью инструментария, разработанного в рамках теории игр, с одной стороны, отразить ситуацию, сложившуюся в день заседания Совета Европейского союза по сельскому хозяйству и рыболовству, 18 сентября 2023 г., а с другой — в обобщенном виде продемонстрировать разницу между солидарностью с большинством и солидарностью с меньшинством. В рамках поведенческой матрицы рассматривается взаимодействие трех стран, из которых две имеют одинаковые интересы и образуют большинство, в то время как интересы третьей страны отличаются от интересов первых двух. Третья страна образует, таким образом, меньшинство.

Допустим, что большинство стран-участниц предпочитает первый вариант второму, а второй — третьему. В этом случае интересы третьей участницы (меньшинства) могут выстраиваться любым из пяти оставшихся способов. Однако если интересы третьей участницы выстроены четырьмя из пяти способов, то значение эквилибриума, а следовательно, вероятность принятия становятся максимальными для первого варианта. Наибольший интерес для авторов данной статьи имеет случай, представленный в табл. 1. С одной стороны, он отражает реальные интересы большинства и меньшинства на заседании Совета Европейского союза по сельскому хозяйству и рыболовству от 18 сентября 2023 г. С другой стороны, значения эквилибриума, а следовательно, вероятность принятия оказываются равными для первого и второго вариантов.

Представленная поведенческая матрица для трех стран-участниц может быть расширена до пяти и большего числа участников минилатеральных переговоров (Lanko, 2022). Данная матрица отражает случай, когда исходом переговоров и итогового голосования может стать как решение, предусматривающее солидарность меньшинства с большинством (выбор в пользу первого варианта), так и решение, предусматривающее солидарность большинства с меньшинством (выбор в пользу второго варианта). Исход итогового голосования зависит не от изначальных интересов большинства и меньшинства, но от других факторов, среди которых важную роль, как будет показано далее, играет формат предшествующих итоговому голосованию переговоров (двух- или многосторонних).

3. Описание лабораторного эксперимента

Авторы статьи доказывают взаимосвязь между двусторонними переговорами и солидарностью с большинством, а также между многосторонними переговорами и солидарностью с меньшинством с помощью лабораторного эксперимента, который проводился на протяжении трех лет (2021–2023). В эксперименте приняли участие в общей сложности 618 человек, разделенных на 36 примерно равных групп. В качестве участников были приглашены обучающиеся Санкт-Петербургского государственного университета, а также Московского государственного института международных отношений (Университета)⁷. Эксперимент базируется на игровой модели, разработанной авторами статьи с помощью инструментов, предоставляемых теорией игр. Основные параметры модели представлены в данном разделе.

Включение игровых моделей в учебный процесс в качестве интерактивной формы обучения является устоявшимся дидактическим приемом в высшем образовании на общественно-научных и гуманитарных направлениях (Butcher, 2012). Участие в игровой модели позволяет сформировать важные компетенции, основным же недостатком таких моделей является то, что их организация — более затратное по времени мероприятие для преподавателей, чем другие интерактивные формы (Asal, 2005). Среди обучающихся по направлению «Международные отношения» наибольшей популярностью пользуются игровые модели Организации Объединенных Наций (McIntosh, 2001). Как в самом Европейском союзе, так и за его пределами используются игровые модели процесса принятия решений в ЕС (Zeff, 2003). Большой интерес представляет игровая модель переговоров между Евросоюзом и Евразийским экономическим союзом — переговоров, которые никогда не проводились в реальности из-за отказа ЕС принять ЕАЭС как равноправного партнера по переговорам (Romanova and Gudalov, 2019).

Ценность игровых моделей (в рамках учебных курсов или факультативно) для обучающихся по общественно-научным и гуманитарным дисциплинам, включая международные отношения, заключается в том, что можно сопоставить теорию с практикой в рамках эксперимента, участниками которого становятся студенты (Hess, 1999, p. 1). Наблюдения за ходом игры, превращающейся в эксперимент, могут оказаться в не меньшей степени информативными для преподавателя, ведущего параллельно с учебной и научную работу. Например, М. Малфорд и Дж. Береджикян, наблюдая за участием студентов в игровой модели, смогли сделать значимые выводы в контексте так называемого третьего «большого спора» в теории международных отношений⁸ (Mulford and Berejikian, 2002). А результаты лабораторного

⁷ Авторы выражают благодарность Е. Л. Болдыревой, Н. Н. Гудалову, Ю. Ю. Колотаеву, Н. В. Немировой и А. Ю. Чихачеву, преподавателям кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, а также Е. А. Близначкой, преподавателю кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии МГИМО (Университет) за помощь в организации участия петербургских и московских студентов в игровой модели.

⁸ Третий «большой спор» в теории международных отношений — дискуссия между сторонниками неореалистической и неолиберальной теорий международных отношений, пик которой пришелся на рубеж 1970–80-х годов, но которая не прекращается до сих пор в силу невозможности дать однозначный ответ на фундаментальный вопрос, по которому приверженцы двух теорий так и не смогли прийти к единому мнению: является ли важнейшим мотивом поведения государств на международной арене стремление к абсолютным (как полагают неолибералы) или к относительным (как полагают неореалисты) достижениям? Иными словами, стремятся ли государства к тому, что-

эксперимента, который поставили Э. Мокнес и Э. ван дер Гейден, позволили уточнить роль лидерства в принятии группами стран на себя обязательств в области сокращения выбросов и охраны окружающей среды (Moxnes and van der Heijden, 2003).

Названные лабораторные эксперименты основывались на моделях, построенных в соответствии с методологией, выработанной в рамках теории игр. Игровые модели предлагают исследователям широкие возможности для определения вероятности реализации того или иного сценария, в том числе в ходе международных переговоров (Snyder, 1971; Jervis, 1988; Reisinger, 1989; Degterev and Degterev, 2011). В некоторых случаях, однако, в том числе в матрице, представленной в табл. 1, два сценария — введение общих для всех стран-участниц требований в порядке максимальной и минимальной гармонизации — оказываются не только наиболее вероятными, но и равновероятными. В таких случаях сопоставить вероятности реализации каждого из двух сценариев, а также выявить зависимость между наиболее вероятным исходом голосования и форматом предшествующих переговоров позволяет лабораторный эксперимент.

Как и в большинстве моделей, основывающихся на теории игр, в данной игровой модели участники стремятся к получению максимально возможного числа очков за защиту своих изначально заданных и не меняющихся на протяжении всей игры интересов. Как правило, в группах численностью до двадцати участников в качестве интересов каждого участника задается набор из четырех предложений, часть из которых данный участник поддерживает, а по части — выступает против. Например, если общей темой ролевой игры являются меры по ограничению импорта зерна и муки, то обсуждаемые предложения могут быть сформулированы следующим образом. Первое предложение — запрет на импорт зерна и муки, произведенных сельскохозяйственными предприятиями, для которых меры государственной поддержки составляют более половины оборота. Второе предложение — запрет на импорт зерна и муки, кроме произведенных сельскохозяйственными предприятиями, соблюдающими природоохранные стандарты страны-импортера. Третье предложение — запрет на импорт зерна и муки, кроме партий, сопровождаемых фитосанитарным сертификатом, выданным уполномоченной организацией страны-импортера. Четвертое предложение — запрет на импорт зерна и муки, кроме партий, перевозимых транспортными организациями страны-импортера.

Интересы участников изначально задаются таким образом, что первый участник на протяжении эксперимента поддерживает все четыре предложения; второй участник поддерживает первое, второе и третье предложения, но выступает против четвертого; третий — первое, второе и четвертое предложения, но выступает против третьего и т. д. В результате создаются шестнадцать уникальных ролей участников таким образом, чтобы ни в одной паре участников их интересы не совпадали бы полностью, но в большинстве пар интересы совпадали бы частично. Благодаря этому участники, встречаясь друг с другом, имеют возможность находить общие интересы (предложения, которые оба участника встречи либо поддерживают, либо отвергают) и заявлять об этих интересах в итоговых декларациях встреч. Если

бы завтра иметь больше, чем вчера (абсолютные достижения), или же они стремятся к тому, чтобы иметь больше, чем у соседа (относительные достижения).

у пары участников той или иной встречи есть несколько общих интересов, они выбирают один общий, о котором заявят в итоговой декларации.

Каждый из участников за время проведения эксперимента успевает посетить дюжину встреч, часть из которых проводится в двустороннем, часть — в минилатеральном и часть — в многостороннем формате. В общей сложности может состояться почти восемьдесят встреч; в результате каждой тот или иной интерес объявляется общим. Особенностью игровой модели является то, что чем чаще тот или иной интерес объявляется общим на какой-либо встрече, тем больше вероятность, что именно этот интерес станет частью итогового решения. При этом каждый участник получает тем больше очков, чем чаще он участвовал во встречах, где общим для всех участников интересом был объявлен один из его интересов, который впоследствии станет частью итогового решения.

Участники вправе общаться друг с другом и вне заранее запланированных встреч. Благодаря этому у каждого из них есть достаточно информации не только о том, о каких общих интересах было заявлено по итогам тех встреч, в которых они принимали непосредственное участие, но и о том, о каких общих интересах заявлялось по итогам прочих встреч. По мере того как все больше встреч остается позади, каждый участник начинает стремиться к тому, чтобы общим интересом объявлялся не любой его интерес, лишь бы он совпадал с интересами всех остальных, но тот его интерес, который уже объявлялся общим в ходе предшествующих встреч чаще, чем другие.

Если та или иная встреча проводится в двустороннем формате и в паре изначально заданные интересы участников не совпадают полностью, то такая встреча считается неудавшейся и по ее итогам принимается декларация, которая гласит, что «встреча прошла в атмосфере предельной откровенности», что на дипломатическом языке означает неспособность сторон прийти к соглашению.

Если же во встрече принимает участие три и более игрока и они не могут (не хотят) найти совпадающего интереса, они могут объявить тот или иной интерес общим, если в поддержку такого решения проголосовало простое большинство.

В случае многосторонних встреч (под таковыми понимаются те, в которых более пяти игроков), как правило, игроки не могут найти общий для всех участников интерес, а итоговые декларации принимаются большинством голосов.

Что же касается минилатеральных встреч (под таковыми понимаются те, в которых принимает участие одновременно три либо четыре игрока), то в большинстве случаев у игроков есть хотя бы один общий интерес. Итоговые декларации могут приниматься как консенсусом, так и большинством голосов. Эти встречи соответствуют модели, представленной в табл. 1. В большинстве из них принимает участие три игрока, которым предстоит выбрать один из трех вариантов итоговой декларации. Во-первых, они могут объявить общим тот интерес, который совпадает у двух участников, но не соответствует интересам третьего и который ранее уже часто объявлялся общим интересом. Это повышает шансы двух участников (которые на этой встрече составляют большинство) заработать дополнительные очки, но полностью лишает этой возможности третьего (меньшинство).

Во-вторых, они могут объявить общим тот интерес, который совпадает у всех трех участников, но который ранее реже объявлялся общим. Это понижает шансы всех троих заработать дополнительные очки, но не лишает никого из них такой

возможности полностью. Наконец, в-третьих, они могут вообще не достичь никакого результата, записав в итоговой декларации, что «встреча прошла в атмосфере предельной откровенности». Это полностью лишает всех игроков шанса заработать какие-либо очки за данную встречу. Модель, представленная в табл. 1, предсказывает, что вероятность выбора третьего варианта итоговой декларации меньше, чем первых двух; результаты лабораторного эксперимента также указывают на то, что в таких случаях игроки никогда не выбирают третий вариант. На практике их выбор сводится к выбору из первых двух вариантов, равновероятных. Выбор первого варианта будет означать, что третьему участнику встречи придется продемонстрировать солидарность с большинством, выбор же второго варианта — что большинство согласится продемонстрировать солидарность с меньшинством.

Как указывалось, игровая модель была организована порознь в 36 группах. В каждой группе участники провели порядка восьмидесяти встреч, большинство из которых завершилось принятием декларации об общих интересах, а в конце было принято 36 разных вариантов итоговых решений в зависимости от содержания деклараций. Расписание встреч в группах было составлено таким образом, что в половине из них игроки сначала принимали участие в серии двусторонних встреч, затем — в серии минилатеральных встреч, а в конце — в серии многосторонних. Во второй половине групп, напротив, игроки сначала принимали участие в многосторонних встречах, позже — в минилатеральных и, наконец, в двусторонних. Таким образом, в половине групп серии минилатеральных встреч, в ходе которых игрокам предстояло выбрать, будет ли продемонстрирована солидарность с большинством или с меньшинством, предшествовали двусторонние встречи, а во второй половине групп минилатеральным встречам предшествовали многосторонние. В табл. 2 представлены результаты лабораторного эксперимента.

В целом результаты лабораторного эксперимента показывают, что почти три четверти минилатеральных встреч завершились принятием итоговой декларации, в которой большинство согласилось продемонстрировать солидарность с меньшинством. Такой результат соответствует ожиданиям: как указывалось ранее, в реальном Европейском союзе доминирует тенденция к принятию решений путем нахождения того варианта, который продемонстрировал бы солидарность большинства стран Евросоюза с меньшинством, благодаря чему большая часть законодательства ЕС предполагает минимальную гармонизацию требований, действующих в странах-участницах. Однако в тех группах, где минилатеральным встречам предшествовала серия двусторонних встреч, согласие большинства продемонстрировать солидарность с меньшинством стало результатом лишь 63 % встреч. В тех же группах, где минилатеральным встречам предшествовала серия многосторонних встреч, большинство соглашалось продемонстрировать солидарность с меньшинством гораздо чаще — в среднем в 84 % случаев.

4. Солидарность и интеграция разных скоростей

В описанном лабораторном эксперименте формат предшествующих переговоров — двусторонних либо многосторонних — рассматривался в качестве независимой переменной, а тип солидарности, возникающий в результате, — солидарность с большинством либо солидарность с меньшинством — в качестве зависимой пере-

Таблица 2. Результаты лабораторного эксперимента

Группы, где минилатеральным встречам предшествовали двусторонние		Группы, где минилатеральным встречам предшествовали многосторонние	
Номер группы	Доля, %*	Номер группы	Доля, %*
3	63	1	79
6	74	2	80
7	89	4	87
9	79	5	95
10	47	8	79
12	53	11	95
18	53	13	79
19	63	14	84
20	58	15	79
22	58	16	84
24	68	17	79
25	53	21	89
26	42	23	74
27	58	30	100
28	68	31	84
29	89	32	79
33	47	35	89
34	74	36	74
В среднем	63	В среднем	84
В среднем по всем группам			73

* Доля минилатеральных встреч, завершившихся демонстрацией солидарности большинства с меньшинством.

менной. Составляя графики встреч для каждого из будущих участников, авторы данной статьи изначально определили для одних участников, что минилатеральным встречам, в ходе которых им придется выбирать между солидарностью с большинством и солидарностью с меньшинством, будут предшествовать двусторонние, а для других — многосторонние. После чего авторы эксперимента наблюдали за выбором в пользу того или иного типа солидарности, который самостоятельно делали как первые, так и вторые. Если же поставить формат переговоров в зависимость от искомого типа солидарности, то выявленная зависимость позволяет дать следующую рекомендацию.

Если ожидаемый исход голосования по той или иной проблеме предполагает, что меньшинство согласится с наименее выгодным для него вариантом решения проблемы, то накануне голосования представляется более правильным убеждать представителей меньшинства проявить солидарность с большинством в ходе се-

рии двусторонних переговоров между лидером большинства и каждым из представителей меньшинства (если их больше одного) по отдельности. Если же ожидаемый исход голосования предполагает, что большинство согласится с не самым выгодным для себя вариантом решения проблемы из солидарности с меньшинством, для которого самый выгодный для большинства вариант является наименее приемлемым, то накануне голосования представляется более правильным провести многосторонние переговоры по проблеме, чтобы определить наименее приемлемые для всех сторон варианты решения проблемы и впоследствии вынести на голосование тот вариант, который не является наименее приемлемым ни для одного участника будущего голосования.

Хотя авторы настоящей статьи сформулировали этот вывод, опираясь на анализ процесса принятия решений в Европейском союзе, представляется, что данная рекомендация будет востребована и теми, кто планирует, организует и непосредственно участвует в переговорах, являющихся неотъемлемым элементом процесса принятия решений в любых региональных интеграционных объединениях, в первую очередь в Евразийском экономическом союзе. Ведь в контексте евразийской интеграции также правомерно говорить о евразийской экономической солидарности, то есть о нахождении единых позиций всех стран — участниц ЕАЭС под влиянием тех из них, кто занимает лидерские позиции, а также под влиянием наднациональных органов ЕАЭС, важную роль среди которых играет суд ЕАЭС (Agamagomedova, 2023).

Результаты лабораторного эксперимента приобретают теоретическое значение в дискуссии о кризисе европейской интеграции — процесса, начавшегося в рамках минилатерального взаимодействия шести стран, создавших Европейское объединение угля и стали. Благодаря нескольким волнам расширения во второй половине XX — начале XXI в. темпы европейской интеграции начали зависеть уже от многостороннего взаимодействия 27 стран. Чтобы привести институты Евросоюза в соответствие с ситуацией, возникшей под влиянием перехода объединенной Европы от минилатерализма к многосторонности, были проведены масштабные институциональные реформы, затронувшие в первую очередь принципы формирования Европейской комиссии, а также увеличившие число вопросов, по которым решения могут приниматься не консенсусом, но квалифицированным большинством голосов, не оставляя для несогласного меньшинства иного выбора, кроме как провить солидарность с большинством (Dinan, 2012).

До сих пор Европейскому союзу удавалось избегать случаев, когда при голосовании по нескольким проблемам несогласное меньшинство, которое накануне голосования нужно было убедить продемонстрировать солидарность с большинством, состояло бы из более чем одной страны — участницы ЕС и из одних и тех же стран. Так, из Вишеградских стран против снятия запрета на ввоз украинского зерна и муки в Евросоюз сухопутным путем выступают Венгрия, Польша и Словакия, в то время как для Чехии этот вопрос не имеет принципиального значения. По финансовым же вопросам водораздел проходит между странами, которые уже перешли, и теми, кто пока не перешел на общеевропейскую валюту, то есть в спорах по этим вопросам Словакия часто находится по одну сторону барьера, а Венгрия, Польша и Чехия — по другую (Hinarejos, 2015, pp. 103–120). Вместе с тем существует гипотетическая опасность, что однажды сложится устойчивая коалиция стран,

представляющих собой несогласное меньшинство по целому ряду одновременно обсуждаемых вопросов, и именно Вишеградские страны представляются наиболее вероятными кандидатами на роль такой коалиции (Potemkina, 2016).

Даже если характер наиболее острых вопросов, требующих принятия политических решений на уровне Евросоюза, будет способствовать превращению ныне аморфного несогласного меньшинства в устойчивую коалицию, наиболее вероятный ответ со стороны большинства стран — участниц ЕС будет основываться на концепции интеграции нескольких скоростей, сформулированной еще в 1970-е годы (Rabinovych and Pintsch, 2022). До 1980-х годов эта концепция эффективно служила инструментом, помогающим справиться с кризисом европейской интеграции, связанным с политическим спором между западными европейцами по вопросу об ожидаемых результатах процесса. В конце XX в. концепция способствовала преодолению кризиса, связанного с правовым спором по вопросу о воплощении европейской интеграции в законодательстве ЕС. В начале XXI в. эта же концепция предлагает решение кризиса, связанного с институциональным спором, спровоцированным растущей сложностью институтов ЕС (Brunazzo, 2022).

В большинстве случаев европейские политики и исследователи европейской интеграции используют понятия «интеграция нескольких скоростей» и «интеграция двух скоростей» в качестве синонимов; другими синонимами являются «дифференцированная интеграция», «гибкая интеграция» и т. п. Опубликованная в 1996 г. статья тогда еще будущего президента Финляндии А. Стубба содержит, пожалуй, наиболее полный список понятий, используемых в Евросоюзе для обозначения интеграции нескольких скоростей (Stubb, 1996). Вместе с тем, даже когда говорится об интеграции нескольких скоростей, подразумевается интеграция двух скоростей, то есть процесс, предполагающий существование «жесткого центра», принадлежащие к которому страны — участницы ЕС достигли максимально возможной на данный момент гармонизации национальных законодательств по максимально широкому спектру вопросов, и прочих стран, пока не готовых к столь глубокой интеграции (Scharrer, 1994). Например, страны «жесткого центра» перешли на общеевропейскую валюту с одновременной гармонизацией своей финансовой политики, в то время как часть стран-участниц сохранили свои национальные валюты и относительную независимость в финансовых вопросах.

Временное решение, основывающееся на концепции интеграции двух скоростей, едва ли угрожает будущему европейского интеграционного проекта (Novotný, 2012). Однако некоторые создаваемые исследователями европейской интеграции модели предполагают возникновение в Евросоюзе нескольких центров, например трех общеевропейских валют, из которых одна стала бы общей валютой для стран-участниц, для которых характерен бюджетный профицит, вторая — для стран с бюджетным дефицитом, а третья использовалась бы в качестве международной резервной валюты (при том, что часть стран-участниц сохранила бы свои национальные валюты) (Mazier and Valdecantos, 2015). Такие модели, если они будут реализованы на практике, уже могут представлять угрозу для будущего ЕС. Вместе с тем результаты представленного лабораторного эксперимента могут служить дополнительным аргументом в пользу того, что это маловероятно. Ведь превращение, например, тех же Вишеградских стран во второй центр европейской интеграции нескольких скоростей возможно лишь в случае, если эти страны окажутся способ-

ными к проявлению солидарности с меньшинством внутри своей группы стран по широкому спектру вопросов.

Вероятность же появления у них такой способности окажется тем выше, чем чаще они будут вовлечены в многосторонние переговоры на уровне всего Евросоюза. А такие переговоры чаще всего сопутствуют обсуждению вопросов, по которым большинство стран — участниц ЕС демонстрируют готовность к проявлению солидарности с несогласным меньшинством, то есть с самими Вишеградскими странами, у которых, таким образом, исчезает мотивация к сплочению в альтернативный центр европейской интеграции. И напротив, такая мотивация будет возникать у них тем чаще, чем больше остальные страны Евросоюза будут требовать от них проявления солидарности с большинством, однако требования будут выдвигаться в формате двусторонних переговоров между лидерами большинства и каждой из Вишеградских стран по отдельности, что не будет способствовать проявлению у последних способности к солидарности с меньшинством.

Заключение

Конфликт вокруг импорта в Европейский союз украинских зерна и муки, в ходе которого столкнулись интересы, с одной стороны, большинства стран — участниц ЕС, настаивающих на введении общих требований к ввозимому украинскому зерну в порядке максимальной гармонизации, а с другой — Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии и Словакии, составляющих меньшинство стран Евросоюза и настаивающих на введении тех же общих требований в порядке минимальной гармонизации, что позволило бы им вводить временные запреты на импорт зерна и муки с Украины, отлично иллюстрирует кризис солидарности в ЕС. Большинство стран-участниц не готово проявить солидарность с меньшинством, меньшинство не готово проявить солидарность с большинством. Вместе с тем данный кризис солидарности не означает кризиса всего европейского интеграционного проекта. Результаты лабораторного эксперимента, представленные в статье, позволяют сформулировать еще один аргумент в поддержку этого предположения.

Формально важнейшие политические решения в Европейском союзе принимаются в ходе голосования, в котором участвуют все страны ЕС. Подчас проект итогового решения, выносимого на такое голосование, предполагает проявление солидарности большинства с меньшинством. В этом случае большинство, готовое к углублению европейской интеграции форсированными темпами, соглашается замедлить темп интеграции ради меньшинства, не готового пока к столь быстрой интеграции. В других случаях проект выносимого на голосование решения предполагает проявление солидарности меньшинства с большинством. В этом случае меньшинство соглашается на углубление интеграции форсированными темпами, как того желает большинство, даже если для меньшинства ускорение темпов интеграции сопряжено с высокими затратами. В любом случае, чтобы обеспечить принятие проекта решения в ходе голосования по вопросам, по которым страны — участницы ЕС делятся на большинство и несогласное с ним меньшинство, накануне голосования проводятся переговоры.

Эти переговоры могут проходить как в двустороннем формате между отдельными странами-участницами и институтами ЕС, так и в многостороннем. Резуль-

таты лабораторного эксперимента, представленные в статье, позволяют привязать формат переговоров к типу солидарности, которого предполагается достичь в результате голосования. Так, солидарность с большинством чаще достигается вследствие двусторонних переговоров, а солидарность с меньшинством — вследствие многосторонних. Накануне голосования по проекту решения, предполагающего, что большинство проявит солидарность с меньшинством, представляется более продуктивным проведение многосторонних переговоров с участием представителей как большинства, так и меньшинства. Накануне же голосования, предполагающего, что меньшинство проявит солидарность с большинством, представляется более продуктивным проведение двусторонних переговоров между лидером большинства и каждым из представителей меньшинства по отдельности.

Литература/References

- Agamagomedova, S.A. (2023) 'Eurasian economic solidarity: Justification from the standpoint of judicial practice', *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17 (3), pp.101–108. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-101-108> (In Russian)
- Asal, V. (2005) 'Playing Games with International Relations', *International Studies Perspectives*, 6 (3), pp. 359–373. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3577.2005.00213.x>
- Bátora, J. and Hocking, B. (2009) 'EU-oriented Bilateralism: Evaluating the Role of Member State Embassies in the European Union', *Cambridge Review of International Affairs*, 22 (1), pp. 163–182. <https://doi.org/10.1080/09557570802683938>
- Blockmans, S. (2014) 'L'Union fait la Force: Making the Most of the Solidarity Clause (Article 222 TFEU)', in Govaere, I. and Poli, S. (eds) *EU Management of Global Emergencies*. Leiden, Boston: Brill, pp. 111–135.
- Bolkestein, F. and Gerken, L. (2015) 'The EU Single Market: Free Markets, Protectionism and Excessive Regulation', *Centrum für Europäische Politik*. Available at: https://www.cep.eu/fileadmin/user_upload/sop-cep.de/SOP/SOP-Press/Presse-Archiv/EU_Single_Market_by_Bolkestein_and_Gerken.pdf (accessed: 20.12.2023).
- Bratberg, Ø. (2008) 'Bilateral Embassies in an Integrated Europe: A Case of Institutional Robustness?', *Journal of European Integration*, 30 (2), pp. 235–253. <https://doi.org/10.1080/07036330802005441>
- Brunazzo, M. (2022) 'The Politics of EU Differentiated Integration: Between Crises and Dilemmas', *The International Spectator*, 57 (1), pp. 18–34. <https://doi.org/10.1080/03932729.2022.2014103>
- Butcher, C. (2012) 'Teaching Foreign Policy Decision Making Processes Using Role-Play Simulations: The Case of US-Iranian Relations', *International Studies Perspectives*, 13 (2), pp. 176–194. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2012.00457.x>
- Cooper, I. and Fabbrini, F. (2022) 'Regional Groups in the European Union: Mapping an Unexplored Form of Differentiation', *European Papers*, 7 (2), pp. 949–968. <https://doi.org/10.15166/2499-8249/588>
- Dahlberg, E., Naess-Schmidt, S., Virtanen, L., Marcus, S., Di Silva, M., Pelkmans, J., Dalla Pozza, V. and Kubovicova, K. (2020) 'Legal Obstacles in Member States to Single Market Rules'. Study requested by the Committee on the Internal Market and Consumer Protection of the European Parliament. Paper provided by the Policy Department for Economic, Scientific and Quality of Life Policies, *Directorate General for Internal Policies*, PE 658.189, November. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658189/IPOL_STU\(2020\)658189_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/658189/IPOL_STU(2020)658189_EN.pdf) (accessed: 20.12.2023).
- Degtarev, D. A. and Degtarev, A. Kh. (2011) 'Game theory and international relations', *World Economy and International Relations*, 2, pp. 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2011-2-79-89> (In Russian)
- Diesen, G. (2023) 'The geoeconomic power of Europe: The rise and fall of the European Union', *Modern World Economics*, 1 (1), pp. 33–51. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2023-1-1-33-51> (In Russian)
- Dinan, D. (2012) 'The Arc of Institutional Reform in Post-Maastricht Treaty Change', *Journal of European Integration*, 34 (7), pp. 843–858. <https://doi.org/10.1080/07036337.2012.726018>
- Dougan, M. (2000) 'Minimum Harmonization and the Internal Market', *Common Market Law Review*, 37 (4), pp. 853–885. <https://doi.org/10.54648/272669>
- Federico, V. and Lahusen, C. (eds) (2018) *Solidarity as a Public Virtue? Law and Public Policies in the European Union*. Baden-Baden: Nomos.

- Genschel, P. and Hemerijck, A. (2018) 'Solidarity in Europe'. School of Transnational Governance Policy Brief, *European University Institute*. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/db3d580c-b248-11e8-99ee-01aa75ed71a1/language-en> (accessed: 20.12.2023).
- Genschel, P. and Jachtenfuchs, M. (2017) 'From Market Integration to Core State Powers: The Eurozone Crisis, the Refugee Crisis and Integration Theory', Robert Schuman Centre of Advanced Studies Working Paper No. 26. *European University Institute*. Available at: <https://hdl.handle.net/1814/46424> (accessed: 20.12.2023).
- Grimmel, A. and Giang, S. M. (eds) (2017) *Solidarity in the European Union: A Fundamental Value in Crisis*. Cham: Springer.
- Hess, F. M. (1999) *Bringing The Social Sciences Alive*. Needham Heights: Allyn and Bacon.
- Heyes-Renshaw, F. and Wallace, H. (2006) *The Council of Ministers*. 2nd ed. Basingstoke, New York: Palgrave Macmillan.
- Hinarejos, A. (2015) *The Euro Area Crisis in Constitutional Perspective*. Oxford: Oxford Academic.
- Jervis, R. L. (1988) 'Realism, Game Theory and Cooperation', *World Politics*, 40 (3), pp. 317–349. <https://doi.org/10.2307/2010216>
- Johnston, M. T. (1994) *The European Council: Gatekeeper of the European Community*. New York: Routledge.
- Kahler, M. (1992) 'Multilateralism with Small and Large Numbers', *International Organization*, 46 (3), pp. 681–708. <https://doi.org/10.1017/S0020818300027867>
- Kassim, H., Peterson, J., Bauer, M., Connolly, S., Hooghe, L., Dehousse, R. and Thomson, A. (2013) *The European Commission of the Twenty-first Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Korosteleva, E. A. and Flockhart, T. (2020) 'Resilience in EU and International Institutions: Redefining Local Ownership in a New Global Governance Agenda', *Contemporary Security Policy*, 41 (2), pp. 153–175. <https://doi.org/10.1080/13523260.2020.1723973>
- Lanko, D. (2022) 'Modelling Negotiations on the Nordic Economic Area: Uncertainty and Absolute Gains as Factors of International Solidarity', *Bulletin of St. Petersburg University. International relationships*, 15 (3), pp. 243–261. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.302>
- Lewis, J. (2005) 'The Janus Face of Brussels: Socialization and Everyday Decision Making in the European Union', *International Organization*, 59 (4), pp. 937–971. <https://doi.org/10.1017/S0020818305050320>
- Mazier, J. and Valdecantos, S. (2015) 'A Multi-Speed Europe: Is It Viable? A Stock-Flow Consistent Approach', *European Journal of Economics and Economic Policies*, 12 (1), pp. 93–112. <https://doi.org/10.4337/ejeep.2015.01.08>
- McIntosh, D. (2001) 'The Uses and Limits of Model United Nations in an International Relations Classroom', *International Studies Perspectives*, 2 (3), pp. 269–280. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.00057>
- Moxnes, E. and van der Heijden, E. (2003) 'The Effect of Leadership in a Public Bad Experiment', *Journal of Conflict Resolution*, 47 (6), pp. 773–795. <https://doi.org/10.1177/0022002703258962>
- Mulford, M. and Berejikian, J. (2002) 'Behavioral Decision Theory and the Gains Debate in International Politics', *Political Studies*, 50 (2), pp. 209–229. <https://doi.org/10.1111/1467-9248.00367>
- Müller, H. and Van Esch, F. A. W. J. (2020) 'The Contested Nature of Political Leadership in the European Union: Conceptual and Methodological Cross-Fertilisation', *West European Politics*, 43 (5), pp. 1051–1071. <https://doi.org/10.1080/01402382.2019.1678951>
- Novotný, V. (2012) 'The Harmless Spectre of a Multi-speed Europe', *European View*, 11 (1), pp. 21–29. <https://doi.org/10.1007/s12290-012-0209-3>
- Potemkina, O. Yu. (2016) 'The Visegrad Group and "flexible solidarity"', *Modern Europe*, 6 (72), pp. 43–52. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620164352> (In Russian)
- Rabinovych, M. and Pintsch, A. (2022) 'EU Differentiated Integration as a Tangible', in Hoerber, T., Weber, G. and Cabras, I. (eds), *Routledge Handbook of European Integrations*. Abington: Routledge, pp. 376–393.
- Redei, L. and Romanyshyn, I. (2019) 'Non-Parliamentary Diplomacy: The European Parliament's Diplomatic Mission to Ukraine', *European Foreign Affairs Review*, 24 (1), pp. 61–79. <https://doi.org/10.54648/eerr2019005>
- Reisinger, W. L. (1989) '2x2 Games of Commitment in World Politics', *International Studies Quarterly*, 33 (1), pp. 111–118. <https://doi.org/10.2307/2600496>
- Romanova, T. A. (2017) 'The category of "stress resistance" in the European Union', *Modern Europe*, 4 (76), pp. 17–28. (In Russian)

- Romanova, T. A. and Gudalov, N. N. (2019) 'Role-Play Simulation of Negotiations between the EU and the Eurasian Economic Union: Teaching While Enhancing a Transnational Dialogue', *Journal of Contemporary European Research*, 15 (4), pp. 410–424. <https://doi.org/10.30950/jcer.v15i4.1093>
- Sangiovanni, A. (2013) 'Solidarity in the European Union', *Oxford Journal of Legal Studies*, 33 (2), pp. 213–241. <https://doi.org/10.1093/ojls/gqs033>
- Scharrer, H. E. (1994) 'A Hard Core for the European Union?', *Intereconomics*, 29 (September/October), pp. 209–210. <https://doi.org/10.1007/BF02926378>
- Schuette, L. A. (2021) 'Forging Unity: European Commission Leadership in the Brexit Negotiations', *Journal of Common Market Studies*, 59 (5), pp. 1142–1159. <https://doi.org/10.1111/jcms.13171>
- Snyder, G. H. (1971) "'Prisoner's Dilemma" and "Chicken" Models in International Politics', *International Studies Quarterly*, 15 (1), pp. 66–103. <https://doi.org/10.2307/3013593>
- Stubb, A. (1996) 'A Categorization of Differentiated Integration', *Journal of Common Market Studies*, 34 (2), pp. 283–295. <https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1996.tb00573.x>
- Votoupalová, M. (2019) 'Solidarity as a Necessary Precondition for the Resilience of Schengen? Discourse of the EU Institutions', *Politologický časopis — Czech Journal of Political Science*, 26 (2), pp. 102–121. <https://doi.org/10.5817/PC2019-2-102>
- Weatherill, S. (2016) *Contract Law of the Internal Market*. Cambridge: Intersentia.
- Weatherill, S. (2020) 'The Fundamental Question of Minimum or Maximum Harmonisation', in Garben, S. and Govaere, I. (eds) *The Internal Market 2.0*. Oxford: Hart Publ. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3660372> (accessed: 20.12.2023).
- Zeff, E. E. (2003) 'Negotiating in the European Council: A Model European Union Format for Individual Classes', *International Studies Perspectives*, 4 (3), pp. 265–274. <https://doi.org/10.1111/1528-3577.403003>

Статья поступила в редакцию: 21.12.2023

Статья рекомендована к печати: 15.02.2024

Контактная информация:

Зотова Дарья Алексеевна — аспирант; d.zotova@spbu.ru

Ланко Дмитрий Александрович — канд. полит. наук, доц.; d.lanko@spbu.ru

Парфенёнок Николай Леонидович — ассистент; n.parfenenok@spbu.ru

European solidarity and multi-speed integration: Results of a laboratory experiment

D. A. Zotova, D. A. Lanko, N. L. Parfenenok

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Zotova, D. A., Lanko, D. A. and Parfenenok, N. L. (2024) 'European solidarity and multi-speed integration: Results of a laboratory experiment', *St. Petersburg University Journal of Economic Studies*, 40 (2), pp. 212–232. <https://doi.org/10.21638/spbu05.2024.204> (In Russian)

The conflict around grain and flour imports from Ukraine to the European Union, which made the interests of Bulgaria, Hungary, Poland, Romania and Slovakia contradict the interests of the majority of member states, and which was taking place having mass farmers' protests in the background, invites revisiting European solidarity. Any political decision adopted on the EU level by voting of all member states indicates solidarity among them. Authors of this article, however, suggest distinguishing between two types of solidarity, namely the solidarity of the majority with the minority, and the solidarity of the minority with the majority. Game theory provided with the means allowing suggesting the behavioral matrix, which helps distinguishing between the two types of solidarity. Negotiations preceding formal voting help achieving solidarity of both types; those negotiations can be bilateral or multilateral.

The results of the experiment staged, again, with the help of game theory demonstrate that solidarity with the majority emerges more often after bilateral negotiations, while solidarity with the minority emerges more often after multilateral negotiations. That conclusion allows recommending choosing the format of negotiations depending on the expected outcome of consequent voting. Based on the experience of the European Union, that recommendation is applicable to all cases of regional integration, first of all, to the Eurasian Economic Union. It also helps explaining why despite the mounting number of the demands for solidarity that the majority of EU member states places on the minority, the latter fails to consolidate and thus to endanger the future of the entire European integration project.

Keywords: European Union, solidarity, minimum harmonization, maximum harmonization, bilateral negotiations, minilateral negotiations, multilateral negotiations, game theory.

Received: 21.12.2023

Accepted: 15.02.2024

Authors' information:

Daria A. Zotova — Postgraduate Student; d.zotova@spbu.ru

Dmitry A. Lanko — PhD in Political Sciences, Associate Professor; d.lanko@spbu.ru

Nikolay L. Parfenenok — Lecturer; n.parfenenok@spbu.ru